

Н.И. Сатохина

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

МИР КАК УТОПИЯ ПРАВА

Трудно не согласиться с Рикёром, по мнению которого, «война является болезненной темой политической философии, а мир – такой же острой темой философии права». ¹ Вопрос только в том, идет ли здесь речь о действительности, об утопии или об иллюзии. Какое место отведено миру в праве, которое начинается с насилия и требует справедливости?

Слово «утопия», буквально означающее «место, которого не существует», в современном философско-правовом дискурсе зачастую приобретает негативные коннотации, становясь синонимом бесплодной мечты и рождая подозрение в тоталитаризме. Вместе с тем, утопия как способ осмысления правовой реальности неотделима от присущей человеку свободы, и представляет собой противоположность как догматизма, так и понятия невозможного. Скорее, речь идет о дополнительных возможностях реальности, которые, в отличие от прогноза, принципиально не могут быть выведены из фактов, но принадлежат к сфере должного.

В этом смысле Хабермас говорит о «реалистической утопии прав человека», укореняющей избыточную идею справедливости в самих институтах конституционного государства. Да и сама правовая реальность как реальность деонтологическая по большому счету оказывается плодом утопического воображения, побуждающим нас «реалистически мыслить и действовать, не предавая, однако, утопического импульса». ² Подобный опыт метафизического обоснования политики находим в знаменитой работе Канта «К вечному миру», где он раскрывает условия достижения мира как единственно возможного способа человеческого существования. Иными словами, перед человечеством нет иной альтернативы, кроме выбора между утопией и гибелью.

¹ Рикер П. Право і справедливість / Пер. з фр. О. Сирцова, В. Каденко. – К.: Дух і літера, 2002. – С. 11.

² Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Пер. с нем. Э. Соловьева // Вопросы философии. – 2012. – №2. – С. 25 – 53.

Так, Рикёр пытается «перекинуть мост между поэтикой мира и прозой справедливости», подчиня ближайшую цель правосудия – прекратить состояние неопределенности – его конечной цели – способствовать общественному миру благодаря «торжеству языка над насилием», то есть правовой переработке насилия посредством перенесения его в пространство слова и речи. Отмечая утопичность примирения враждующих сторон, философ, вместе с тем, подчеркивает, что эта утопия коренится в сущности права и составляет его основу.³ Действительно, в каком-то смысле дистанция между судебным рассмотрением и состоянием мира, наоборот, стремится к максимальному увеличению, когда приговор справедливости прерывает соревнование аргументов, оставляя на одной стороне жертву, а на другой – виновного. Диспут завершен, однако он только лишь спас от мести, не приблизив к мирному состоянию. Вместе с тем, мир остается горизонтом правового суждения, оказывая на него вторичное воздействие: суд не уполномочен примирить стороны, а лишь установить справедливую дистанцию, однако призван максимально открыть возможности для прощения и примирения, сбалансировать интересы жертвы и сообщества с необходимостью реинтеграции правонарушителя в социум, поскольку намерение мирного сосуществования выше всякой иной цели наказания.

Таким образом, мир оказывается не данностью и не химерой, но, скорее, мечтой права. Хотя говорить о примирении и можно только в модусе желательности, который не является ни описательным, ни нормативным, но именно жесты примирения открывают «пространство надежды на горизонте политики и права в постнациональном и международном плане, посылают животворные волны, которые скрытно, обходными путями содействуют продвижению истории к мирному состоянию».⁴

³ Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / Пер. с фр. О. Шульман // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 27 – 36.

⁴ Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И. Блауберг и И. Вдовина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 231.